

Специфика авторского повествования в старофранцузской «Хронике Ротелина» («Manuscript de Rothelin») XIII века

А. О. Манухина

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия
amanuhina@mail.ru

Аннотация. В статье на материале анонимной старофранцузской хроники XIII века, дошедшей до нас под названием «Manuscript de Rothelin», рассматривается специфика описания исторических лиц (крестоносцев и сарацин), событий (завоевание Иерусалима) и объектов окружающей действительности, исследуется особенность презентации Я автора и способы его вербализации. Автор описывает структуры, позволяющие расценивать хронику как самостоятельное авторское произведение, созданное на основе устоявшихся стереотипов эпохи Крестовых походов.

Ключевые слова: категория «автор», специфика описания, нравственные стереотипы рыцарства, старофранцузский язык, оценочные конструкции

Для цитирования: Манухина А. О. Специфика авторского повествования в старофранцузской «Хронике Ротелина» («Manuscript de Rothelin») XIII века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (820). С. 46–51.

Original article

Specifics of the Author's Narrative in the Old French "Chronicle of Rothelin" ("Manuscript de Rothelin") of the 13th Century

Alla O. Manuhina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
amanuhina@mail.ru

Abstract. The article, based on the material of an anonymous old French chronicle of the 13th century, preserved under the name *Manuscript de Rothelin*, examines the specifics of the description of historical figures (Crusaders and Saracens), events (the conquest of Jerusalem) and objects of the surrounding reality, explores the peculiarity of the presentation of the author's "I" and the ways of its verbalization. The purpose of the article is to identify and describe the structures that make it possible to regard the chronicle as an independent author's work created based on established stereotypes of the era of the Crusades.

Keywords: the category "author", specifics of the description, moral stereotypes of chivalry, Old French, evaluative constructions

For citation: Manuhina, A. O. (2024). Specifics of the author's narrative in the old French "Chronicle of Rothelin" ("Manuscript de Rothelin") of the 13th century. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(882). 46–51.

ВВЕДЕНИЕ

Крестовые походы, продолжавшиеся около двухсот лет (с конца XI по XIII в.), запечатлены в корпусе историографических сочинений. Среди них отдельно стоит «Хроника Ротелина», которая описывает отдельные эпизоды Шестого и Седьмого крестовых походов. В нашей статье «Хроника Ротелина» («Manuscript de Rothelin») впервые привлекается как материал лингвистического анализа. Сохранившийся манускрипт на старофранцузском языке оказался в тени более известных произведений той эпохи, таких как латинская «Historia belli sacri» Гийома Тирского (1130–1186) и труды его продолжателей (например, старофранцузская «Хроника» Эрнуля и Бернарда Казначея), и представляется малоизученным анонимным письменным памятником.

«Manuscript de Rothelin» относится к так называемым западноевропейским источникам по истории Крестовых походов (redaction occidentale). В статье использовано факсимильное издание хроники¹ на основании манускрипта 8 404 из Французской национальной библиотеки².

Исходное название манускрипта утрачено. Дошедшие до нас названия «Manuscript de Rothelin» или «La Continuation de Rothelin de Guillaume de Tyr» были ему присвоены в честь аббата Карла Орлеанского де Ротелина (1691–1744) – французского ученого и коллекционера XVIII века, который первым исследовал и опубликовал эту рукопись.

Сочинение состоит из 82 глав и охватывает период с 1229 года по 1261 год. Считается, что «Manuscript de Rothelin» не является самостоятельным произведением, а представляет собой (как это можно видеть из второго его названия) вольный перевод «Historia rerum in partibus transmarinis gestarum» Гийома Тирского с латинского на старофранцузский, с более поздними интерполяциями. Нет точных данных о том, кем, когда именно и при каких обстоятельствах была создана хроника. Высказываются предположения, что она была написана в Иль-де-Франс французским рыцарем в середине XIII века, очевидно, между 1261 и 1269 годами³. В то же время есть мнение, что это не авторское произведение, а компиляция из нескольких более ранних, не дошедших до нас анонимных рукописей.

Поскольку категория «автор» вызывает наибольшее количество вопросов, рассмотрим подробнее, каким образом вербализовано авторское Я в тексте повествования:

¹ Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux (1859). Paris: Imprimerie royale.

² URL: www.gallica.bnf.fr

³ Recueil des historiens des croisades. Paris, 1859.

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ «Я» АВТОРА

При анализе текста нами выявлены следующие способы реализации категории «автор»:

- повествование от третьего лица:

Et par quoi cil qui ceste estoire liront et celui escrit, porront anques savoir que il dist assez des choses qui avindrent au tenz Salehadin et devant lui, et apres (assez en i a qui ne sont mie encores avenues)⁴.

И потому те, кто эту историю прочтут, и тот, кто ее пишет, смогут однажды узнать, что он рассказал достаточно о том, что произойдет во времена Саладина и до него, и после (и достаточно было того, что еще не произошло)⁵.

Авторское Я представлено формулой *celui escrit ceste estoire* (букв. 'тот, кто пишет эту историю'), т. е. эксплицитно не выражено. Такой способ вести повествование типичен для Средневековья: анонимность была присуща сочинениям различных жанров. Авторское Я представлено условно и не несет в себе конкретных биографических данных: «это я чисто "грамматическое", оно универсализировано и лишено временной определенности; это, скорее роль, нежели уникальный субъект» [Zumthor, 1975, с. 95].

В то же время рассказчик реализован как индивидуальный субъект повествования и оценки. Очевидно, хроника была создана позднее описываемых событий, и автор – субъект повествования, использует прием «забегания вперед», упоминая о предстоящих событиях, о которых знает только он, тем самым интригуя читателя. Положительная рациональная авторская самооценка вербализована выражением *il dist assez des choses qui avindrent* (он рассказал достаточно о том, что произойдет), т. е. сам создатель удовлетворен своим произведением;

- употребление местоимения *nous*:

Or vous avons dist coumant la Sainte cite de Jherusalem seoit... apres vous dirons del pelerinages coumant li pelerin i aloient.

Итак, мы вам рассказали, каким был святой град Иерусалим, и затем мы вам расскажем о паломничествах, каким образом туда шли паломники.

Et pour ce que li plus des bonz Cretienx parollent et oient volentierz parler de la sainte cite de Jherusalem et des Sainz Leuz ou nostre Sires fu morz et viz, nous dirons coumant ele seoit au jour que li Sarazin et Salehadinz la conquistrent suer les Cretienx.

И поскольку самые хорошие христиане говорят и хотят послушать о святом граде Иерусалиме и о святых местах, где наш Господь жил и умер, мы расскажем, каким он (Иерусалим) был в день, когда сарацины и Салладин его отвоевали у христиан.

⁴Зд. и далее приводятся примеры из хроники «Recueil des historiens des croisades» (1859).

⁵Зд. и далее перевод наш. – А. М.

Употребление местоимения *nous* присутствует и в других историографических трудах Средневековья. Но в данном случае *nous* – не эпическое «мы» рассказчика, а средство вербализации анонимного автора как индивидуального субъекта повествования и оценки. Так, автор снова использует «забегание вперед» (*nous dironz coumant ele seoit au jour que li Sarazin et Salehadinz la conquistrent suer les Cretienz*), привлекая внимание адресата хроники. Автор также дает положительную оценку своим потенциальным читателям, называя их *li plus des bonz Cretienz* (*самые хорошие христиане*).

В тексте хроники присутствует и непосредственное обращение рассказчика к читателю:

Cil cui il desplera por-
ront tres passer cest leu.

Те, кому это не понравится,
могут пропустить это место.

Данный фрагмент можно также считать способом обозначения авторского присутствия.

– – употребление местоимения *je*:

Or je vous dirai des autres
.ii. portez dont l'une estoit
en droit l'autre.

Итак, я вам расскажу о дру-
гих двух воротах, из кото-
рых одни были направо от
других.

С одной стороны – употребление местоимения *je* свидетельствует о непосредственном вмешательстве автора в ход повествования и его реакции на излагаемые факты. Но в то же время, как отмечают исследователи, индивидуализированный автор не был свойственен средневековым произведениям: «даже в тех случаях, когда в поэме встречается Я, создается лишь иллюзия общения с его индивидуальностью» [Гуревич, 2005, с. 102].

Действительно, на основе анализа хроники не представляется возможным почерпнуть какую-либо конкретную информацию касательно личности автора: его имени, возраста или социального статуса. Однако касательно его принадлежности к определенной социальной группе можно предположить, что он являлся рыцарем или клириком (о чем косвенно свидетельствует его знания Библии и событий, происходивших на Святой Земле). Автор присутствует в тексте как индивидуальный субъект повествования и оценки и излагает события так, как если бы он был их непосредственным участником либо писал со слов современников, рыцарей-крестоносцев; возможно также, что для уточнения некоторых деталей он пользовался письменными источниками о Крестовых походах, но перерабатывал и дополнял их.

СПЕЦИФИКА ОПИСАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ

Жанр хроники, уже сложившийся к XIII веку особый тип средневековой прозы, требовал от своего создателя соблюдения определенных канонов. Именно поэтому в *Manuscript de Rothelin* центральное место занимает характеристика реальных исторических лиц: рыцарей-крестоносцев (названных в тексте *li Cretien*) и их врагов-сарацин (*li Sarazin*).

В соответствии с устоявшимися стереотипами автор воспекает подвиги крестоносцев:

Li Cretien se deffau-
dirent moult tres bien, et
en occistrent bien plus
.v.c. et n'i ot que .i. Cres-
tien mort; cil fu Engloiz.

Христиане защищались очень
хорошо, и убили более пяти-
сот (сарацин) и только один
христианин умер; и это был
англичанин.

Автор выражает свое личное отношение к поведению рыцарей в бою оценочной конструкцией *moult tres bien* (букв. 'очень сильно хорошо') при глаголе *se deffaudir* (букв. 'защищаться') [Godefroy, 1889, с. 592]. Избыточность выражения, недопустимая в современном французском языке, часто встречалась в старофранцузском [Greimas, 1969], и здесь ее можно расценивать как стилистическую фигуру плеоназм – средство авторской положительной оценочной характеристики героя повествования.

Оценка крестоносцам также представлена опосредованно – через описание чудесного события, последовавшего за гибелью рыцарей:

Il avoit entre Cretienz
et Sarazins une bataille
entre cel charnier et
Jherusalem ou il avoit
moult de Cretienz occis
et que li Sarazins les de-
voient lendemain tres toz
fere ardoir pour la puour.
Tant que il avint que .i.
lionz vint par nuit, si les
porta tous en cele fosse,
et pour ce l'apeloit l'en le
Charnier au Lion.

Была между Христианами
и Сарацинами битва меж-
ду этим погостом и Иеру-
салимом, где было убито
много христиан, и Сараци-
ны должны были на сле-
дующее утро очень рано
их сжечь для устранения.
И случилось так, что лев
пришел ночью, и отнес их
всех в этот ров, и пото-
му его называли «Погост
Льва».

То, что преподносится в тексте произведения как «чудо» (*mirabilia* – достойное удивления) [Ле Гофф, 2012, с. 5], должно было убедить читателя в праведности рыцарей перед лицом Бога, и косвенно свидетельствовать о справедливости «войны против неверных».

Рыцарям противопоставлены враги-сарацины:

Li Sarazin avoient abatues toutes les forterescs de la cité et alerent en Jherusalem en une matinée pour occirre les Crestiens qui dedenz estoient.

Mes sachiez bien de voir que li Cretien pelerin qui vouloient aler au Sepulcre, que li Sarrazin avoient grant louirz d'elx: li Sarrazin les prisoient bien chascuns an a .xxx.m. besanz.

Сарацины завоевали все крепости города и пошли на Иерусалим однажды утром, чтобы убить христиан, которые были внутри.

И знайте же, что христиане-паломники хотели пойти к Гробу Господнему, и что сарацины брали с них большую плату: сарацины с них брали каждый год тридцать тысяч безантов.

Для привлечения особого внимания к излагаемым событиям автор снова непосредственно обращается к адресату хроники: *Mes sachiez bien de voir*. Однако в изучаемых отрывках авторская позиция выражена имплицитно – посредством выражений *alerent en Jherusalem occirre les Crestiens* (пошли на Иерусалим убить христиан), *li Sarrazin avoient grant louirz d'elx* (сарацины брали с них большую плату) и *li Sarrazin les prisoient bien chascuns an a .xxx.m. besanz* (сарацины с них брали каждый год тридцать тысяч безантов). Здесь отсутствует лексика с отрицательно коннотацией, но описание фактов, свидетельствующих о кровожадности и алчности сарацин преследовало конкретную прагматическую цель: создание «образа врага на религиозной почве» [Волкова, 1984, с. 235], типичного для произведений эпохи Крестовых походов.

Особое место в повествовании отведено факту предательства «своих»: бегству союзника – короля Фридриха II:

En grant peril lessa Fredric les Crestienz en la Sainte Terre de Jherusalem car ele estoit toute desclose senz fermeté.

Оставил Фридрих в большой опасности христиан в Святой Земле Иерусалимской, и поэтому она была совершенно открыта и без защиты.

Отрицательная оценка предателю вербализована выражениями *en grant peril lessa* (оставил в большой опасности) и *(lessa) desclose senz fermeté* (оставил открытым без защиты).

Для благородного сеньора верность долгу, общему делу и данному слову считались важнейшими из добродетелей. Предательство в рыцарской среде и в целом в христианской культуре считалось тяжелейшим грехом. Оставив Иерусалим без

обороны, король опозорил себя как предводитель и христианин.

На основании анализа фрагментов хроники выстраивается четкая оппозиция «рыцари-христиане» – «сарацины» – антигерои и предатели. Автор не оригинален в описании персонажей: такая антитеза «свой-чужой» соответствует классической схеме, сложившейся еще в ранней средневековой культуре [Михайлов, 1995] и получившей новое звучание в эпоху Крестовых походов.

ОПИСАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, ОКРУЖАЮЩЕЙ ПЕРСОНАЖИ

Особая значимость исследуемого письменного памятника состоит в том, что анонимный автор изображает либо увиденное им непосредственно, либо записанное со слов крестоносцев – участников похода, поэтому, изучая механизм описания предметов и явлений, мы можем взглянуть глазами рыцаря-современника на реалии XIII века.

Центральное место в описании окружающего мира занимает Иерусалим как главная цель Крестового похода:

Jherusalem est citez la plus glorieuse et la plus principal del monde.

Иерусалим – самый славный и самый главный город в мире.

Такое восприятие Иерусалима типично для свидетельств эпохи Крестовых походов. В сознании рыцаря Иерусалим был в первую очередь святым градом, местом Страстей Господних, казни и Воскресения Христа. При описании Иерусалима рассказчик употребляет суперлативы *la plus glorieuse* и *la plus principal*, тем самым рисуя некий идеализированный символ, центр духовной культуры христианина.

Наряду с оценочными суждениями, выражающими этическую оценку, в тексте запечатлены детали из жизни Иерусалима как конкретного, «земного» средневекового города:

En cele rue cuisinoit l'en les viands as pelerinz que l'en leur vendoit ... avoit une rue que l'en apeloit la rue Couverte, la ou l'en vendoit la draperie.

На этой улице готовили мясо для паломников, которое им продавали, и была одна улица, которую называли Крытая улица, там, где продавали сукно.

La en droit vendoit l'en toutes les herbes et tous les fruiz de la ville et toutes les espices.

Там направо продавали разные травы и разные фрукты из города и разные специи.

Судя по точности и реалистичности характеристик, описание Иерусалима составлено или рассказчиком-очевидцем, или записано со слов рыцаря-участника Крестового похода.

Однако среди мелких бытовых подробностей жизни города встречается упоминание о тамплиерах (*li frere del Temple* – *братьях храмовниках*) и их храме:

A main destre de ces portes estoit li Temples Salemon la ou li frere del Temple manoient.

По правую руку от этих ворот был Храм Соломона, там, где находились братья храмовники.

Автор имплицитно делает акцент на тех местах, которые так или иначе связаны с завоеванием Иерусалима крестоносцами и их главной целью – остаться в Иерусалиме, чтобы освободить Святую Землю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение особенностей авторского повествования в анонимной старофранцузской хронике «Manuscript de Rothelin» позволяет сделать следующие выводы:

- авторское присутствие формально не выражено (отсутствуют какие-либо упоминания о биографии автора и даже его имени), рассказчик в повествовании обозначен местоимениями *pous* и *je*, в ряде случаев рассказ ведется от третьего лица (*celui escrit ceste*

estoire). Однако не остается сомнений, что произведение принадлежит перу одного автора, который дает личную оценку современному ему людям и событиям, несмотря на стремление замаскировать свое Я;

- при описании действующих лиц сочинения можно четко проследить оппозицию «свой–чужой», заключающуюся в противопоставлении рыцарей-крестоносцев (*li Cretien*) и их врагов-сарацин (*li Sarazin*);
- изображение Иерусалима как главного объекта действительности, в которой пребывали крестоносцы, сочетает в себе, с одной стороны, восхваление идеального Святого Града, с другой – описание реального города эпохи, в которое автор «вкрапляет» упоминание о тамплиерах.

Таким образом, «Manuscript de Rothelin» написан в полном соответствии со сложившимися к XIII веку канонами западноевропейской историографии. В произведении автор сознательно избегает индивидуализации и оригинальности; наоборот, в хронике присутствуют все составляющие, обязательные для такого типа произведения. Именно поэтому документ является своего рода «зеркалом эпохи», ценнейшим языковым и культурным материалом, содержащим информацию о механизме типичного оценочного восприятия действительности человеком XIII века, и каждый из рассмотренных в статье аспектов может стать основой для дальнейшего отдельного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Zumthor P. Langue, texte, énigme. 1 vol. Paris: Éditions du Seuil, 1975.
2. Гуревич А. Я. Индивид и социум в средневековом Западе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005.
3. Godefroy Frederic. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur, 1889.
4. Greimas A. J. Dictionnaire de l'ancien français (jusqu'au milieu du XIV-ème siècle). Paris: Larousse, 1969.
5. Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков. М.: Текст, 2012.
6. Волкова З. Н. Эпос Франции (история и язык эпических сказаний). М.: Наука, 1984.
7. Михайлов А. Д. Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. М.: Наследие, 1995.

REFERENCES

1. Zumthor, P. (1975). Langue, texte, énigme. Paris: Éditions du Seuil.
2. Gurevich A. Ya. (2005). Individi i socium v srednevekovom Zapade = The individual and society in the medieval West. Moscow: Publishing house "Political Encyclopedia" (ROSSPEN). (In Russ.)
3. Godefroy, Frederic. (1889). Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon.

4. Greimas, A. J. (1969). Dictionnaire de l'ancien français (jusqu'au milieu du XIV-ème siècle). Paris: Larousse.
5. Le Goff, Zh. (2012). Geroi i chudesa Srednih vekov = Heroes and Wonders of the Middle Ages. Moscow: Tekst. (In Russ.)
6. Volkova, Z. N. (1984). Epos Francii (istoriya i yazyk epicheskikh skazaniy) = The Epic of France (history and language of epic tales). Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Mihajlov, A. D. (1995). Francuzskij geroicheskiy epos. Voprosy poetiki i stilistiki = French heroic epic. Issues of poetics and stylistics. Moscow: Nasledie. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манухина Алла Олеговна

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Manuhina Alla Olegovna

PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Department of Phonetics and Grammar of the French language
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	27.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	10.01.2024	accepted for publication